

□□□□□ 15 ноября 1988 года лётчик – начальник ВОТП АП (аэродром Купино) майор Кириллов С.М. на самолёте МиГ-23МЛД выполнял полёт по упражнению КБП на отработку техники пилотирования в зоне на предельно малой высоте.

□□□□□ В процессе выполнения задания на высоте 50 метров на экранах РЛС группы руководства полётами пропала метка в пилотажной зоне. На запросы с земли и с воздуха ретранслирующих экипажей лётчик уже не отвечал.

—

— Юрий Фёдоров

—

ГЛУМОТВОР

Было установлено, что в процессе выполнения правого виража с креном 30 градусов лётчик допустил снижение менее установленной минимальной высоты 50 метров, в результате чего с правым креном около 15°. произошло столкновение с лесопосадкой (превышение лесопосадки относительно аэродрома 30 метров, высота деревьев около 5 метров).

После столкновения с деревьями самолёт перешёл в плавный набор высоты и на расстоянии около 300 м столкнулся с проводами высоковольтной ЛЭП, ещё через 800 метров со снижением самолёт столкнулся с землёй, опять отрикошетил и через 300-400 метров, рассыпаясь на лету, упал в озеро. Лётчик средствами спасения не воспользовался и погиб. Комиссия по расследованию признала виновным в ЛП лётчика, обвинив его в невыдерживании параметров полёта и снижении на высоту, ниже установленной заданием.

Но сослуживцы погибшего лётчика, проведя собственное расследование,

придерживаются другого мнения. Они предположили, что имело место попадание птицы в тракт воздухозаборника и его разрушение. При первых признаках отказа двигателя лётчик переключил внимание внутрь кабины и упустил контроль за высотой, т.к. снижение до столкновения происходило с вертикальной скоростью 1-2 м/с, а когда лётчик перенёс взгляд на землю и увидел ситуацию, предшествующую столкновению, начал переводить самолёт в набор высоты, что как раз совпало со столкновением с лесопосадкой, а через 1,5 сек., что соответствует при скорости 850 км/ч (240 м/с) дистанции в 350-400 м произошло столкновение с линией ЛЭП. По заключению судмедэксперта, именно тогда лётчик был травмирован током и потерял работоспособность, но скорее всего, был ещё жив. Далее через 3,5 сек. повторное столкновение самолёта с землёй, во время которого лётчик получил травмы, не совместимые с жизнью.

Позвольте очччень едкий комментарий

Версия сослуживцев не выдерживает никакой критики, является только предположением, не имеющим под собой оснований – остатков птиц на самолёте и в двигателе не найдено. Да и никакой пилот после столкновения с птицей на предельно малой высоте не станет переносить взгляд в кабину, а переведёт истребитель в набор, и лишь потом будет разбираться с параметрами полёта.

В любом случае – и по версии комиссии, и по версии некоторых балаболов – вина за

случившееся лежит на майоре Кириллове С.М.

Но как громко звучит – «собственное расследование»! Хотя это «расследование» – разговоры пьяных пилотов в гаражах и не более того! Чтобы проводить расследование, нужны данные! Никто из этих пьяных болтунов на месте катастрофы не был, следов столкновения с птицами не видел! Так рождаются слухи и сплетни, не имеющие под собой никаких оснований и не связанных с действительностью. Но порочат командование, которое вдруг «захотело» спрятать птицу и обвинить в недисциплинированности пилота! А заодно эти кретины, распространяя слухи, выставляют выгодно себя в своих глазах и глазах семьи погибшего начальника ВОТП, которым, естественно, хочется в это верить: «Мы им открыли правду!» — «Ах вот оно, как было!»

И в самом деле! Одно дело похоронить мужа и отца, который погиб от случайного столкновения с птицей, но «подлые командиры это скрывают». И совсем другое рассказывать всем, что глава семьи оказался просто размандяем, который решил похулиганить с высотой и не справился с пилотированием!

И пошли письма в МО, Главную военную прокуратуру и Верховный Совет, «чтобы восстановить справедливость и честное имя мужа и нашего папы»! А правдой там и не пахло! Вот цена этой пьяной болтовни в гаражах, которую эти придурки назвали «расследованием»!

И поехали многочисленные комиссии, поднимать материалы лётного происшествия, трепать нервы командирам! Пока, наконец, кто-то из военной прокуратуры не догадался поговорить с женой погибшего майора Кириллова С.М.

— О каком «дополнительном расследовании сослуживцев» вы пишете? Когда и кем оно проводилось? Кто вам это говорил? По закону – нельзя что-то утверждать, не называя источник информации! Законом это расценивается как слухи и даже сплетни. Вы собирали слухи? Тогда назовите тех, от кого вы это узнали!

И Кирилловой пришлось сказать! Тем более, она считала, что те тимуровцы ей говорили правду!

— Капитан С-ко, капитан П-ин, да и майор В-ов!

Вызывают капитана С-ко:

— Я? А причём тут я? Я сказал, что слышал такие разговоры!

Капитан П-ин:

— Я такого не говорил!

И теперь жена погибшего лётчика выглядит душой и собирательницей сплетен по гарнизону. Но Кириллова не хочет так выглядеть:

— Как?! Миша, вы мне это говорили перед магазином!

Капитан П-ин:

— Вы меня не так поняли!

Майор В-ов тоже не хочет получить втык за распространение слухов и навешивание ярлыков на командование полка и дивизии. Комиссия МО и из Главной ВП – это не шуточки! **И одно дело говорить всё это жене погибшего сослуживца на ушко, изображая из себя правдолюбца, не неся никакой ответственности за сказанное!** («Вот дура, верит мне! Но как я выгляжу в её глазах! Как она меня благодарит за “правду”! О, какой я!»)

И совсем другое ответить за свои слова.

Поэтому он прекращает все вопросы коротко:

— Впервые слышу, товарищ генерал юстиции!

Но надо же поддерживать в глазах вдовы своё реноме правдокопателя и честного человека! Поэтому, встретив женщину в гарнизоне, В-ов, обернувшись по сторонам, тихо говорит:

— Да кто же тебе скажет правду! Они здесь не для этого! Понимаешь?

Но Кириллова уже всё поняла про этого глумотворца! Она, пройдя несколько шагов, обернулась и веско сказала:

— Пошёл вон, дурак!